

рошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—ну, и что-жъ?“ Именно *ну, и что-жъ?* Эта слава, какъ и все „мірское“, таитъ въ себѣ дурную безконечность и вѣчный голодь. Чѣмъ больше ея, тѣмъ становится холоднѣй и голоднѣй. И она никакъ не отвѣчаетъ на тотъ вопросъ, который ставилъ Толстой. „И я ничего, ничего не могъ отвѣтить“,—оъ отчаяніемъ говоритъ онъ. Такъ же ничего, ничего не могутъ отвѣтить виновники славы Толстого, т. е. тѣ, кто славу эту разносятъ, на центральный толстовскій вопросъ: *ну, и что-жъ?*

Для того, чтобы добраться къ живому Толстому, нужно прорваться сквозь обманчивый блескъ его славы, нужно миновать безбрежное море словъ, окружающихъ его имя. А сдѣлать это необходимо и до такой степени нужно! Вмѣстѣ съ Достоевскимъ Толстой—величайшее событіе въ образованномъ русскомъ обществѣ за вторую половину XIX вѣка. Вмѣстѣ съ Достоевскимъ Толстой—явленіе *вулканическое*. Какъ огромный потокъ раскаленной лавы льется его вдохновеніе въ первую великую половину его жизни. И то, что интеллигенція, живущая на поверхности и поверхностью, то, что интеллигенція, обуреваемая послѣднимъ „вѣтромъ ученія“ съ Запада, давно забыла и растеряла, Толстой со стихійной силой вулкана вынесъ изъ-подъ земли, обогащенный тѣмъ таинственнымъ соприкосновеніемъ съ народной душой и съ великой стихіей народной жизни, которое составляетъ высшее достоинство генія. Кто не замыкается въ узкія рамки интеллигентскаго доктринерства, въ комъ не погасло окончательное желаніе смотрѣть открытыми глазами на жизнь, тотъ долженъ быть радостно изумленъ сокровищами толстовскаго творчества. Лава, вынесенная изъ подземныхъ глубинъ, полна тѣми „породами“ и тѣми драгоценными минералами, которыхъ давно уже нѣтъ въ такъ-называемомъ образованномъ русскомъ обществѣ, и потому для истинно-образованныхъ людей должна быть вдвойнѣ достойной самаго серьезнаго и глубокаго вниманія.

Чему учить Толстой? Гдѣ лежитъ живой нервъ его болѣе чѣмъ полувѣковой дѣятельности? Какіе завѣты оставилъ онъ намъ? Гдѣ святая святыхъ его жизни? Эти простые вопросы при малѣйшемъ вниманіи къ его личности, при малѣйшей любви къ правдѣ, становятся сложнѣйшими и труднѣйшими и кажутся почти неразрѣшимыми. Толстой писалъ „исповѣди“, излагалъ съ величайшей